

Въ поискахъ „палаты“.

(Эпизодъ изъ исторіи Сената).

Трудно, кажется, представить себѣ, чтобы какая-нибудь канцелярія могла даже въ теченіе небольшого промежутка времени остаться безъ помѣщенія! А между тѣмъ именно такой казусъ произошелъ въ Москвѣ въ 1724 году съ одной изъ канцелярій, существовавшихъ при Сенатѣ—такъ называемою рекетмейстерскою конторою. Учрежденіе это, съ рекетмейстеромъ¹⁾ во главѣ, было вызвано къ жизни волею Петра Великаго въ интересахъ надзора за законностью управленія: рекетмейстеръ долженъ былъ принимать и разбирать подаваемые ему челобитныя съ жалобами на коллегіи въ случаяхъ волокиты или неправильнаго рѣшенія дѣлъ. Первымъ рекетмейстеромъ назначенъ былъ въ 1722 году „изъ полковниковъ“ В. К. Павловъ, человѣкъ твердаго характера. Положеніе новаго должностнаго лица было не изъ легкихъ: порой ему приходилось докладывать Сенату по такимъ дѣламъ, въ которыхъ замѣшаны были „сильные міра“ той эпохи; настойчивость Павлова въ проведеніи подобныхъ дѣлъ, понятно, возбудила ненависть къ нему многихъ вельможъ; онъ сталъ, какъ говорится, бѣльмою на глазу для тѣхъ сенаторовъ, которые съ сенаторскимъ званіемъ совмѣщали еще и должности президентовъ въ коллегіяхъ.

Но особенно враждебно сталъ относиться къ нему генераль-прокуроръ Сената, знаменитый сотрудникъ Великаго Преобразователя—Павель Ивановичъ Ягужинскій. По своей должности рекетмейстеру постоянно приходилось соприкасаться съ генераль-прокуроромъ, и по поводу дѣлъ, вносимыхъ рекетмейстеромъ на раз-

¹⁾ отъ франц. *la requête*—прошеніе, челобитная.

смотрѣніе Сената, у него съ Ягужинскимъ часто происходили столкновения въ Сенатѣ.

Для освѣщенія этихъ отношеній, а также нравовъ высшей бюрократіи петровской эпохи характеренъ тотъ эпизодъ, о которомъ сейчасъ пойдетъ рѣчь. Помѣщаемыя ниже данныя извлечены изъ дошедшаго до насъ и хранящагося въ Московскомъ Архивѣ Мин. Юстиціи отрывка дневника В. К. Павлова¹⁾.

На 7 мая 1724 года назначено было коронованіе въ Москвѣ императрицы Екатерины Алексѣевны; и еще въ февралѣ этого года Сенатъ сталъ собираться къ переѣзду изъ С.-Петербурга въ древнюю столицу. Вмѣстѣ съ сенаторами готовились къ отъѣзду въ Бѣлокаменную и состоявшія при Сенатѣ должностныя лица, въ томъ числѣ и рекетмейстеръ. Надо замѣтить, что въ первые годы послѣ учрежденія рекетмейстерской конторы она помѣщалась въ Москвѣ, и лишь въ мартѣ 1723 года была переведена въ С.-Петербургъ. 23 февраля 1724 года генераль-рекетмейстеръ „съ дѣлами и служителя“, какъ сказано въ дневникѣ Павлова²⁾, выѣхалъ въ Москву. Приѣхавъ туда, онъ нашелъ прежнее помѣщеніе рекетмейстерской конторы занятымъ, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующая отмѣтка въ дневникѣ рекетмейстера за 7 марта: „генераль-рекетмейстерскіе служители съ дѣлами прибыли въ Москву, и оныя дѣла поставлены въ Сенатѣ въ передней палатѣ подъ сенатскій караулъ для того, что въ которыхъ палатахъ въ 722 и 723 годѣхъ до поѣздки въ С.-Петербургъ генераль-рекетмейстеръ съ дѣлами и служители сидѣлъ, оныя заняты оставшему сенатскому члену“³⁾.

И съ этого времени начались для рекетмейстера хлопоты, можно сказать, мытарства, по полученію для себя „палаты“ для своей канцеляріи. Не скоро онъ добился своей цѣли: болѣе мѣсяца—до 15 апрѣля—цѣлая контора съ отдѣльнымъ штатомъ служащихъ, исполнявшая важную функцію при Сенатѣ, оставалась безъ помѣщенія!

Прежде всего рекетмейстеръ Павловъ сталъ хлопотать о томъ.

¹⁾ Отрывокъ этотъ былъ найденъ въ Архивѣ Мин. Юстиціи еще въ 70 годахъ прошлаго вѣка покойнымъ С. А. Петровскимъ при собираніи имъ матеріаловъ по исторіи Сената въ царствованіе Петра В., но до сихъ поръ этотъ источникъ еще не былъ использованъ.

²⁾ Архивъ Мин. Юст., кн. 54/8155, л. 168 об.

³⁾ т. е. князю Дмитрію Михайловичу Голицыну, завѣдывавшему въ это время сенатскою конторою, которая была учреждена въ Москвѣ съ переѣздомъ Сената въ Петербургъ.

чтобы ему опять отдали прежнее помѣщеніе. 10 марта „генераль-рекетмейстеръ при собраніи въ Сенатѣ Правительствующаго Сената и генерала прокурора докладывалъ, дабы приказали палату, въ которой онъ напредъ сего съ рекетмейстерскими дѣлами сидѣлъ, очистить, и генераль-прокуроръ сказалъ, что та палата ему самому надобна, и чтобъ онъ искалъ себѣ иную палату; и на оное онъ, генераль-рекетмейстеръ, сказалъ, что, кромѣ той палаты, сидѣть ему негдѣ, на что генераль-прокуроръ ему сказалъ: „мы де для тебя иной не складемъ“. (Дневникъ Павлова, л. 168 об.).

На другой день, 11 марта, рекетмейстеръ опять обращается къ Сенату, но снова терпитъ неудачу: „Правит. Сената генераль-рекетмейстеръ о опредѣленіи съ дѣлами и служители палаты докладывалъ, и Правительствующій Сенатъ ничего ему не сказали“. (idem, 169).

13 марта въ Сенатѣ какъ будто начали шевелиться: „Правит. Сенату генераль-рекетмейстеръ о дачѣ ему съ дѣлами и служители палаты подалъ доношеніе, и по тому доношенію Правит. Сенатъ приказали въ камеръ-коллегію и московскому вице-губернатору Воейкову объ отдачѣ ему, генералу-рекетмейстеру, подъ контору изъ дворцовыхъ палатъ послать указы“ (idem, 169).

16 марта записано: „генераль-рекетмейстеръ ходилъ въ камеръ-коллегію и объ отводѣ ему палаты президенту говорилъ, при чемъ той коллегіи прокуроръ Воейковъ на генерала-рекетмейстера кричалъ и выслалъ вонъ нечестно, и на все вышесказанное президентъ ему, генералу-рекетмейстеру, резолюціи не учинилъ“ (idem, 169 об.).

Несмотря на такой не особенно любезный приѣмъ, Павловъ 18 марта опять идетъ въ камеръ-коллегію: „генераль-рекетмейстеръ объ отводѣ ему палаты ходилъ въ камеръ-коллегію, и при немъ о сыску палатъ послали изъ той коллегіи во дворецъ, чего ради онъ, генераль-рекетмейстеръ, ходилъ во дворцовую канцелярію, въ которой судьи ему сказали, что палатъ у нихъ никакихъ нѣтъ, о чемъ де отъ нихъ отвѣтствованіе будетъ въ камеръ-коллегію“. (idem, 169 об.).

На другой день, 19 марта, Павловъ докладываетъ о своемъ дѣлѣ генералу-прокурору, но получаетъ отъ него характерный отвѣтъ: „рекетмейстеръ его превосходительства генерала-прокурора о опредѣленіи палатъ докладывалъ, на что онъ, генераль-прокуроръ, ему сказалъ, что де у него съ нимъ, генераломъ-рекетмейстеромъ, недружба, за которою говорить и мириться и дружбы съ нимъ водить не хочетъ до тѣхъ мѣстъ, пока Его Императорское Величество его, генерала-прокурора, отъ него оборонять“ (дневникъ, 169 об.).

Черезъ нѣсколько дней—23 марта, рекетмейстеръ снова обращается къ Сенату, но все безуспѣшно: Въ собраніи были сенаторы Ѳедоръ Матвѣевичъ¹⁾, Гаврило Ивановичъ²⁾, Иванъ Алексѣевичъ³⁾, князь Дмитрій Михайловичъ, князь Василій Лукичъ⁴⁾ и тому собранію генераль-рекетмейстеръ о опредѣленіи ему канцеляріи докладывалъ, и на оное Ѳедоръ Матвѣевичъ говорилъ, чтобъ занятую рекетмейстерскихъ дѣлъ контору оставшему члену очистить, понеже де тѣ оставшаго члена дѣла будутъ отправляться съ сенатскими дѣлами обще, на что и оставшій членъ, князь Дмитрій Михайловичъ сказалъ, что онъ тое контору очиститъ, но при томъ же князь Василій Лукичъ сказалъ: о тѣхъ де палатахъ говорилъ генераль-прокуроръ, что надобны ему, и затѣмъ резолюціи никакой не учинено“. (Дневникъ Павлова, 170 л.).

Въ тотъ же день рекетмейстеръ говорилъ оберъ-секретарю Сената Маслову, чтобы онъ доложилъ Сенату о помѣщеніи для рекетмейстерской конторы по доношеніямъ изъ камеръ-коллегіи и отъ бригадира Воейкова, но онъ въ тотъ день не докладывалъ. Въ послѣднихъ числахъ марта все еще продолжалась волокита по вопросу о помѣщеніи для рекетмейстерской конторы. 27 марта записано: „Въ собраніи были сенаторы: Ѳедоръ Матвѣевичъ, князь Дмитрій Михайловичъ, и тому собранію онъ, генераль-рекетмейстеръ, докладывалъ и просилъ о опредѣленіи ему съ дѣлами конторы, на что князь Дмитрій Михайловичъ сказалъ, что контору, въ которой онъ сидѣлъ, очистить. А Ѳедоръ Матвѣевичъ сказалъ, что той конторы отдать ему не можно, понеже оное отправленіе состоитъ въ дирекціи генераль-прокурора“.

Запись на 28 марта гласитъ: „генерала-прокурора генераль-рекетмейстеръ о томъ, что Ѳедоръ Матвѣевичъ о конторѣ, которая занята оставшему члену, сказывалъ, что оное отправленіе въ дирекціи его, генерала-прокурора, докладывалъ и на оное генераль-прокуроръ резолюціи никакой не показалъ“.

30 марта: „Правит. Сената генераль-рекетмейстеръ о опредѣленіи подъ контору себѣ палатъ докладывалъ и предъявлялъ, что уже многое время безъ дѣлъ, и Правит. Сенатъ сказали, что то опредѣленіе не ихъ дѣло, но генерала-прокурора; въ собраніи были сенаторы: Ѳедоръ Матвѣевичъ, Петръ Андреевичъ⁵⁾, князь Василій Лукичъ; потомъ они жъ слушали доношенія, поданнаго отъ вице-

¹⁾ Генераль-адмиралъ Ѳ. М. Апраксинъ.

²⁾ Графъ Г. И. Головкинъ.

³⁾ Графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ.

⁴⁾ Князь В. А. Долгоруковъ.

⁵⁾ Петръ Андреевичъ Толстой, пращуръ гр. Л. Н. Толстого.

губернатора Воейкова, въ которомъ онъ отвѣтствовалъ о палатахъ на рекетмейстерскую контору, что у него по указу изъ военной коллегіи починено во дворѣ только восемь палатъ, которыя на запасныхъ конюшняхъ вверху противъ Троицкихъ воротъ, и, слушавъ, разсуждали, что генералу-рекетмейстеру въ тѣхъ палатахъ за дальностью отъ Сената сидѣть невозможно“.

По случаю наступившей вскорѣ Пасхи¹⁾ дѣло о помѣщеніи для рекетмейстерской конторы еще болѣе затянулось. Едва только пасхальная недѣля прошла, какъ рекетмейстеръ опять возбуждаетъ въ Сенатѣ все тотъ же наболѣвшій для него вопросъ: 13 апрѣля въ собраніи были сенаторы Ѳедоръ Матвѣевичъ, Гаврило Ивановичъ, князь Дмитрій Михайловичъ, князь Василій Лукичъ, и тому собранію генераль-рекетмейстеръ докладывалъ о опредѣленіи себѣ конторы и объявлялъ, что въ дѣла онъ и по нынѣ еще не вступалъ, и Ѳедоръ Матвѣевичъ сказалъ, что то дѣло не ихъ, но генерала-прокурора, а Гаврило Ивановичъ сказалъ, что надобно имъ еще, призвавъ вице-губернатора Воейкова, и у него спрашивать палатъ, на что онъ, генераль-рекетмейстеръ, имъ объявилъ, что о томъ доношеніе отъ вице-губернатора подано“. (Дневн. Павлова, 172 об. и 173).

Черезъ два дня послѣ этого засѣданія, 15 апрѣля, вышло, наконецъ, давно ожидавшееся рѣшеніе Сената, и помѣщеніе для конторы было отведено: „генералу-рекетмейстеру оберъ-секретарь Масловъ въ Сенатѣ объявилъ приказомъ Правит. Сената, дабы ему съ рекетмейстерскими дѣлами сидѣть во дворцѣ вверху у Спаса, гдѣ была ревизіонъ-контора, и по оному приказу того же числа изъ-подъ сенатскаго караулу въ означенную отведенную палату рекетмейстерскія дѣла перенесены“. (Дневникъ Павлова, 173 л.). Вы думаете, что съ отведеніемъ помѣщенія для конторы всѣ мытарства рекетмейстера прекратились? Вовсе нѣтъ. Въ дневникѣ Павлова находимъ еще нѣсколько записей, свидѣтельствующихъ о томъ, что онъ все еще не успокоился въ занятой имъ „палатѣ“. Рекетмейстеръ обращается къ Сенату съ новымъ ходатайствомъ. Дѣло въ томъ, что отведенная для него контора слишкомъ далеко отстояла отъ села Покровскаго, гдѣ въ это время засѣдалъ Сенатъ; между тѣмъ рекетмейстеру часто приходилось докладывать Сенату по дѣламъ своихъ кліентовъ, и вотъ 20 апрѣля онъ проситъ Сенатъ отвести ему въ Покровскомъ помѣщеніе для подготовки докладовъ: „генераль-рекетмейстеръ по утру и по полудни былъ въ Покровскомъ въ Сенатѣ, и о томъ, чтобы опредѣлена была ему въ Покровскомъ при Сенатѣ контора, генерала-прокурора докладывалъ,

¹⁾ Пасха въ 1724 году была 5 апрѣля.

на что онъ ему сказалъ, что де можно и безъ конторы по дѣламъ докладывать для того, что де надѣмся тутъ немного быть“. (Дневн. Павлова, 173 об.).

Получивъ такой отвѣтъ, Павловъ все-таки не унимается и опять обращается съ тѣмъ же ходатайствомъ то къ Сенату, то къ генераль-прокурору, но слышитъ лишь насмѣшки: 23 апрѣля „Правит. Сената генераль-рекетмейстеръ докладывалъ, дабы ему съ рекетмейстерскими дѣлами перейти въ Покровское, и Правит. Сенатъ о томъ всѣ умолчали, только генераль-фельдмаршалъ, свѣтлѣйшій князь ¹⁾ сказалъ генералу-рекетмейстеру, дабы ему въ Покровскомъ перейти въ хоромы, которыя у воротъ, а въ тѣхъ хоромыхъ живутъ богадѣленные нищіе, а генераль-прокуроръ сказалъ: мы де для тебя хоромъ дѣлать не станемъ“. А помѣщеніе для конторы тутъ же подъ руками, да никакъ нельзя было получить его безъ согласія всесильнаго Ягужинскаго: и близокъ локоть, да не укусишь.

24 апрѣля „генерала-прокурора генераль-рекетмейстеръ докладывалъ о дачѣ ему въ Покровскомъ конторы для того, что въ Покровскомъ въ хоромыхъ, гдѣ Сенатъ, есть порозжія свѣтлицы, въ которыхъ только подъяческія постели лежатъ, на что генераль-прокуроръ сказалъ: „садись де какъ хошь; и того ради онъ, генераль-рекетмейстеръ, говорилъ оберъ-секретарю Маслову, дабы онъ ему изъ порозжихъ свѣтлицу очистилъ, и оберъ-секретарь сказалъ, что онъ того безъ вѣдома Правит. Сената сдѣлать не можетъ“. (Дневн. Павлова, 174 л.).

Получивъ отказъ относительно перевода конторы въ Покровское, Павловъ все еще мечталъ возвратить для себя прежнее помѣщеніе рекетмейстерской конторы: 18 мая, когда затихли коронаціонныя торжества, „Правит. Сената генераль-рекетмейстеръ докладывалъ о опредѣленіи себѣ съ дѣлами прежней конторы и объявлялъ, что ему вверхъ за золотую рѣшетку ходить трудно, и на оное Ѳеодоръ Матвѣевичъ сказалъ, что оное отправленіе состоитъ въ дирекціи генерала-прокурора“. (Дневникъ Павлова, л. 177).

Больше уже не встрѣчается въ дневникѣ В. К. Павлова записей о помѣщеніи для рекетмейстерской конторы.

16 іюня 1724 года рекетмейстеръ Павловъ выѣхалъ изъ Москвы въ С.-Петербургъ ²⁾.

М. С. Померанцевъ.

¹⁾ Свѣтлѣйшій князь А. Д. Меншиковъ.

²⁾ Недолго послѣ того В. К. Павловъ оставался въ должности рекетмейстера: въ слѣдующемъ 1725 году, лишь только смежились навсегда очи Великаго Петра, какъ „безпокойнаго“ рекетмейстера постарались уволить въ отставку.